

МЕХАНИЗМ ОЖИДАНИЯ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – НА САМОМ ДЕЛЕ

А. В. Нечаев

Статья посвящена определению понятия «деятельность». Автор различает понятия «действие», «деятельность», «поведение» и «активность». Рассматриваются модальный и предметный аспекты деятельности. Особое внимание уделяется необходимым свойствам и особенностям реализации социальной деятельности как качественно отличного вида деятельности. Описан механизм отчуждения социальной деятельности, основанный на требовании ее опосредованности. Предложенную концепцию автор использует для разграничения явлений деятельности и бездеятельности.

Ключевые слова: деятельность, социальная деятельность, активность, опосредованность деятельности, отложенное действие, отчуждение деятельности, бездеятельность.

Замечаете ли вы, как легко и стремительно в нашу речь и в нашу жизнь вошло еще одно устойчивое выражение и приняло уже характер паразитного? «На самом деле» – сегодня редкий диалог, тем более научная дискуссия, аналитический и даже художественный текст обходятся без использования этой фразы.

Для понимания смысла и особенностей ее функционирования в современном русском языке естественным кажется обратиться к исторически предыдущему устойчивому языковому обороту: «а на деле...». Это оборот-противопоставление, традиционно противопоставляющий умственную или ментальную реальность – реальности практической, материальной. Это то серьезное различие, на которое указывал еще Иммануил Кант, говоря о разнице существования сотни талеров в кармане и сотни талеров в голове.

И. Гете в романе «Ученические годы Вильгельма Мейстера» пишет: «Лишь немного таких, что и умом богаты, и к деятельности способны. Ум делает человека шире, но и парализует; деятель-

Об авторе:

*Нечаев Алексей
Владимирович*

*д-р филос. наук, доцент,
главный научный
сотрудник Института
изучения общественных
явлений.*

*Адрес для переписки:
Россия, 443001, г. Самара,
ул. Молодогвардейская,
196.
E-mail: avnechayev@ya.ru*

ность животворит, но и ограничивает». Этого различия было достаточно для существовавшей тогда социальной реальности. Деятельность понималась как практическое преобразование мира и противопоставлялась переживаниям чувств, усилиям воли и разума

То есть «дело» как «настоящее бытие в реальности» противопоставляется «возможному бытию в реальности» (как правило, мысли, ментальному бытию), но за пределами этой возможности не осуществленному, не ставшему действительностью. В русском языке это противопоставление зафиксировано в поговорке про то, что на словах одно, «...а на деле – по семь пятниц на неделе», то есть в практическую реальность обещанное не переходит.

Словесному выражению «а на деле» уже не одна сотня лет. Сегодня же и акцентирование и, следовательно, противопоставление еще более усилились: не просто «на деле», теперь добавляется еще одно, ударное слово: «на самом деле». Что это – всего лишь современная трансформация привычного выражения, связанная со всеобщим ослаблением чувственного восприятия мира, или это что-то более важное?

Мне удалось найти в интернете лишь два небольших оригинальных суждения о смысле данного выражения. В обоих случаях подчеркивается паразитный характер этого выражения, но в первом случае выделяется его утвердительный характер, когда «на самом деле» выступает синонимом того, что существует в «действительности», или того, что произошло «фактически», а во втором случае, подчеркивается отрицающий характер данного выражения, что оно используется в качестве «развенчания всего сказанного раньше» и в дальнейшем «предполагает опровержение заблуждения, иллюзии, обмана».

И то, и другое, как видим, правильно, так это выражение может использоваться. Однако точно так же в значениях утверждения и противопоставления эта фраза употреблялась, например, 200 лет назад, но устойчивость и частоту использования не приобретала. На мой взгляд, если это все-таки естественное изменение языка, а сам язык, в первую очередь, – это отражение жизни социума, то в этой жизни должно произойти нечто очень важное, повсеместно значимое, чтобы язык это зафиксировал. Следовательно, появление и почти мгновенное широкое распространение этого выражения в нашем обществе связано с неким новым социальным явлением.

Риску предположить, что повсеместная необходимость использования данного выражения связана с тем, что реальность существования социальных элементов для субъекта умножилась. Всякое изменение другой, нематериальной реальности – ментальной ли, модальной ли – тоже стало преимущественно деятельностью самого субъекта. То, что раньше происходило как бы само собой, как следствие движений внешних человеку сил или как неосознаваемое транзакционное следствие чьих-то многих субъективных усилий, теперь превратилось в комплекс действий самого субъекта, направленных к определенной цели – то есть, превратилось в его обыденную отдельную деятельность. Да и предмет, и характер этой деятельности, и ее результаты – особые, отличные от

предмета, характера и результатов материального производства, но это тоже деятельность конкретного человека, хотя и производимая в иной реальности. Поэтому, если речь идет одновременно о разных видах реальности бытия предмета речи, то, конечно, в процессе передачи информации необходимо различать сферы реальности, указывая через вид дела/деятельности, о какой реальности идет речь, в которой из них в данном конкретном случае происходит дело, действует данный субъект. Выражение «на самом деле» выступает необходимым знаком на развилке, указателем на ту реальность, где именно происходит действие предмета речи или действие субъекта с данным конкретным предметом речи.

При этом автор мысли может подобным образом указывать как на свою подлинную реальность и настоящую деятельность: «Вы – просто так, а я... На самом деле я – Бэтмен!», так и на деятельность других людей, так и на какие-либо социальные процессы и даже, образно антропологизируя мир, переносить это выражение на явления неживой природы.

То есть бесцеремонное и агрессивное вторжение этой фразы в нашу повседневную речь говорит в первую очередь о ее функциональности: в нашей реальности появилось новое явление – актуальная множественность реальностей бытия объекта в зависимости от деятельности субъекта, которое и требует своего адекватного отражения и указания в языке. И только во вторую очередь это выражение может превращаться в паразитное, когда из-за частоты своего употребления и привычки оно может использоваться и за пределами необходимости, без своего изначального смысла.

Появление этого фразеологизма и краткий анализ его функциональности прямо указывают на совершенно исключительную роль деятельности, дела в человеческом существовании. Если в природном мире возникновение любого предмета или процесса детерминировано его средой, той реальностью, в которой он находится, то в социальном мире, на самом деле – деятельность становится критерием реальности, ее определителем и даже ее определяющим.

Поэтому Гете пророчески, устами своего героя формулирует знаменитое «В начале было Дело» через мучительный перебор Фаустом возможных вариантов перевода библейского текста. Логос, который в начале всего, понятие действительно многозначное. В свою очередь и немецкое выражение «Im Anfang war die Tat!», которое в итоге использует Гете, тоже имеет несколько значений: это и факт, и вещь, и действие. Но именно дело, действие, поступок, деятельность – от сделки бога с Мефистофелем и до финального осознания Фаустом роли общественного труда – в едином синонимическом ряду пронизывают и организуют все это произведение, от начала и до конца.

Подходы к определению деятельности

Значение категории «деятельность» невозможно переоценить в рамках любой мировоззренческой системы, тем не менее, в философии эта категория продолжает оставаться одной из пропорционально малоиссле-

дуремых и в связи с этим слабо определенной. Безусловно, каждый из тех, кто изучал эту проблему, в чем-то совершенно точно фиксирует те или иные аспекты существования и функционирования деятельности, но выделение совокупности существенных признаков этого фундаментального явления пока остается перспективной задачей. Нельзя, например, согласиться с тем определением, которое сегодня предлагает Большой психологический словарь, поскольку «круг в определении» здесь совершенно очевиден: «Деятельность — активное *взаимодействие* (выделено мной. — А. Н.) с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности» [Большой психологический словарь]. Это определение воспроизводится по сути во многих научных словарях, научных работах и даже в Википедии [Словарь практического психолога; Кондаков; Деятельность//Википедия и др.]. Однако и определение деятельности из Новой философской энциклопедии, которое, впрочем, почти дословно повторяет определение из еще советского знаменитого Философского энциклопедического словаря, изданного более 30 лет назад, тоже является не очень удачным: «Деятельность — специфически человеческая *форма* (выделено мной. — А. Н.) активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование» [Новая философская энциклопедия; Философский энциклопедический словарь].

Конечно, в истории философии был мыслитель, который тесно сближал понятия «чистая форма» и «чистая деятельность». Это Аристотель. Но и он не находил оснований для определения деятельности как вида формы, а определял деятельность (или действие — др.-греч. τὸ ποιεῖν — «действовать») как «произведение изменения в некотором другом предмете», противопоставляя этот процесс «претерпеванию», то есть «принятию изменения от некоторого другого предмета» [Аристотель] (а Гуссерль вообще понимал под деятельностью главным образом разрушение всяческих форм, деконструкцию феноменов).

Далее, если понятия в этом определении используются в своих основных современных значениях, то оно оказывается внутренне противоречиво. Отношение — это вид связи, это взаимозависимость существования субъектов отношения. Поэтому активными в этой связи могут быть субъекты, но никак не само отношение. Или «отношение» используется здесь в каком-то ином значении.

Как ни удивительно, деятельность часто пытаются определить через признак активности, хотя при этом многими признается почти полная синонимичность этих понятий, а попытки различения активности и деятельности оказываются практически бессодержательными.

По моему мнению, тенденция сближения этих понятий идет из прямого перевода латинского «акт» — «действие». «Акт (от лат. *actus* — действие; *actum est* — сделано, совершено) — термин, применяемый во многих сферах деятельности, обозначающий отдельное действие или его оформление, документальную фиксацию». И точно так же, только неявно, без упоминания латыни, «определяют» действие: «Действие — структурная единица деятельности, относительно заверченный отдельный акт че-

ловеческой деятельности» [Новая философская энциклопедия]. И, наконец, прямое указание: «Действие — термин, который имеет несколько значений. Употребляется как синоним термина "акт"» [Литературная энциклопедия].

Понятно, что если «действие — целенаправленная активность, реализуемая во внешнем или внутреннем плане; единица деятельности» [Большая психологическая энциклопедия], то «[в]сякая деятельность состоит из ряда актов — действий или поступков» [Рубинштейн, 172]. Точно так же совокупность актов образует активность. Поэтому понятия «акт» и «действие», «деятельность» и «активность» действительно изначально тождественны, но просто вследствие их разноязычности. Конвенционально можно придать «активности» другой смысл, но изначально определять их одно через другое (например, «деятельность — активность человека, направленная или на преобразование внешнего мира, или на самосозидание себя» [Некрасова]), это совершенно некорректно, поскольку и в этом случае возникает «круг в определении».

Потенциально продуктивной выглядит возможность различения этих понятий через определение «активности» в качестве особой характеристики процесса деятельности. В физике, например, определяют «действие» как величину меры движения физической системы, что позволяет говорить не просто о движениях, но о действиях, например, силы тяжести или силы трения, о векторах направленности этих действий и т. д. По аналогии с этим активность можно было бы понимать как величину меры конкретной деятельности социального субъекта. В этом случае было бы уместно говорить об угасании активности или увеличении активности при сохранении какого-либо вида человеческой деятельности, о модусе активности внутри какой-либо деятельности и т. д.

Однако это не снимает собственно вопроса об определении деятельности. То есть говорить об активности или каких-либо других признаках деятельности можно лишь в том случае, если само это понятие имеет свое собственное, определенное содержание. И тут, мне кажется, начать необходимо с определения исходной единицы деятельности — действия, а в подходе к его пониманию зафиксировать те три аспекта, на которые исторически указывают многие исследователи:

- 1) само-деятельность, внутренняя причина изменения;
- 2) целенаправленность изменения;
- 3) на изменение чего направлено действие.

Деятельность как характеристика живых существ

Когда мы говорим о действии, то имеем в виду очень специфический вид изменений. Если определять действие лишь как внутренне детерминированное изменение, как «причинение изменений» окружающей среде, то, например, каждое извержение вулкана — это деятельность: проснулся вулкан Камчатский или вулкан Этна. «Они проснулись и начали свою работу», — можно так сказать? Конечно, печка горит, дымится, лава течет — работают, почем зря. Это все перенесение понятий по аналогии, которое запутывает нас, уводит нас от понимания процессов. Так мы приходим к тому, что бог горы гневается.

Ни вулканы, ни планеты, ни белые карлики, никакие неживые природные явления не работают, у них нет деятельности. Действие, деятельность как особый вид изменений есть только у живых существ, но чтобы понять специфику действия, специфику именно этого изменения, надо пристальнее взглянуть в специфику живого. Кристаллы, сталактиты, сосульки растут прямо на глазах, можно за пару дней вырастить те или иные кристаллы. Но являются ли они живыми? Нет. Это как раз доказывает, что ни рост, увеличение тех или иных объектов, ни скорость процессов изменения, ни даже самодвижение (изменение вследствие разрешения внутренних противоречий объекта) не есть признаки жизни и не есть признаки действия. Или мы соглашаемся с тем, что самодвижение есть источник любого развития вообще, любого материального или нематериального объекта, живого и неживого, или нам надо допускать какие-то внешние силы, сверхсущности, богов, создающих мир, но тогда непонятна их природа, откуда они берутся и каким образом. И в то же время непереходимой границы, абсолютной стены, пропасти между живым и неживым нет.

Живое характеризуется тем, что оно воспроизводит само себя как такое, оно повторяет себя, умножает себя. И поскольку оно умножает себя, то у него появляется другой принцип существования. Если неживая материя существует только по принципу детерминизма, то есть те изменения, которые происходят с любыми природными неживыми объектами, причинно обусловлены и только (при этом неважно, имеют ли эти причины внешний или внутренний характер), то живые существа приобретают принцип телеологии, целеполагания, их изменения включают в себя еще и особые целеполагающие изменения, и это их принципиально отличает от неживого. Да, у них остались, никуда не делись причинно-следственные изменения (если, не дай бог, уронить на ногу кирпич, то будут тяжелые последствия этой причины). Наличие телеологического принципа в существовании живого никак не исключает базового принципа природы – детерминизма. Более того, причинно-следственные связи могут выступать определяющими для производства живым организмом той или иной деятельности, до целеполагания, наряду с целеполаганием и даже вместо целеполагания. Однако теперь живое существо изменяется непрерывно уже не только «потому, что», но еще и «для того, чтобы»: для того, чтобы сохранить свою целостность, и для того, чтобы умножить себя.

Конечно, лучше всего этот целеполагающий принцип виден в действиях человека.

Создавая общую теорию человеческой деятельности – праксиологию, Л. Мизес начинает свой труд сразу с определения: «Человеческая деятельность суть целеустремленное поведение», и это определение представляется для него очевидным и, более того, оно «является точным и не нуждается в дополнениях и комментариях» [Мизес, 14]. Отметим по ходу рассуждения, что если определять деятельность через поведение, которое само в свою очередь понимается как совокупность «социально значимых действий» человека или как «процесс взаимодействия живых существ с окружающей средой» [Философский энциклопедический сло-

варь], то это означает попадать в ту же ловушку определения через определяемое, о которой мы говорили выше.

Но нас в данном случае больше интересует видовой признак деятельности – целеустремленность, который Мизес в дальнейшем неоднократно подчеркивает и, несмотря на «точность» своего определения, разными словами пытается объяснить: «... стремление к цели; осмысленная реакция субъекта на раздражение и условия среды; сознательное приспособление человека к состоянию Вселенной, которая определяет его жизнь» [Мизес, 14]. И далее он отмечает: «Действующий человек стремится исправить неудовлетворительное состояние дел и достичь более удовлетворительного. Он представляет себе условия, которые лучше подходят ему, а его деятельность направлена на то, чтобы осуществить желаемое состояние» [Мизес, 16].

То есть в первом приближении Действие (акт) отличается тем, что оно выступает как целенаправленное изменение реальности. Направленное к цели – не значит полностью и окончательно определенное, напротив, как будущее, как возможность оно не может быть полностью определенным заранее, до совершения действия и, следовательно, до наступления этого будущего. Направлено это изменение может быть по-разному: в пространстве, во времени, к какому-то образу, состоянию, процессу. Но именно направленность отличает действие субъекта от всякого другого изменения.

Однако при этом мы оказываемся перед лицом похожих изменений в неживой природе. Река не течет вспять, она течет в определенном направлении. И камень с горы падает, можно сказать, целенаправленно. Не зря же физики или химики говорят о «действии» тех или иных сил, элементов природы и об активности этих элементов.

Вот, например, пока железо или медь находятся в руде, они статичны и стабильны. Но если извлечь их, выплавить, получить в сравнительно чистом виде, то у них появляется очень высокая реакционная способность, они направлены изменяются – медь на воздухе быстро покрывается оксидной пленкой, которая придает ей характерный интенсивный желтовато-красный оттенок, железо на воздухе быстро корродирует, а в мелкодисперсном состоянии даже самовозгорается.

Или всем известный по характерному запаху озон, образующийся в воздухе после электрических разрядов. Озон — мощный окислитель, который очень быстро окисляет почти все металлы до их высших степеней окисления и даже многие неметаллы. Но при этом молекула O_3 неустойчива и очень быстро самопроизвольно за несколько десятков минут превращается в O_2 с выделением тепла, а при больших концентрациях озона переход может носить взрывной характер.

Рождается эта направленность изменения элементов из неустойчивости и неполноты конструкции объекта, когда в его структуре существует дисбаланс и его конструкция нуждается в дополнении. Металлы, вынутые из своего каменного консервативного бытия, словно торопятся обратно, закрыться, уйти туда, им не хватает стабильности, и это очень направ-

ленное изменение. В определенных условиях среды химический элемент стремится найти недостающее ему для устойчивости соединение, другой элемент для связи. И «ищет», и «стремится» – это все понятия в кавычках, потому что никакой кусок меди ничего не ищет и ни к чему не стремится, и в то же время можно сказать, что да: и ищет, и стремится. У него есть такая совершенно бессознательная интенция, вызванная неполнотой его конструкции, ее неустойчивостью. И эта «интенция» по-разному проявляется в той или иной среде. Древесина может храниться в неизменном виде столетиями в определенных подходящих условиях. А если повысить температуру воздуха, то дерево тут же начинает «искать» кислород и возникает процесс горения. То есть в одних условиях конструкция очень устойчива, а в других совершенно нестабильна и тут же определенным образом направленно изменяется.

Нужно еще отметить, что внешне эти процессы являются нам «самопроизвольными», то есть направленность изменений диктуется самодвижением материального предмета или химического элемента в текущий момент.

Следовательно, два признака действия – целенаправленность и самодвижение – не помогают нам определить его сущностную специфику.

Как ни странно, в этом помогает третий признак действия. На что направлено это особое изменение? Со времен Аристотеля закрепилось устойчивое представление о субъект-объектной связи, что субъект своим действием изменяет желаемым образом внешний объект. Тем не менее, мне представляется, и аналогия с химическими элементами это доказывает, что определенная потребность изменения возникает в структуре самого субъекта, и это именно она требует своего разрешения, в то время как видимая, очевидная направленность субъекта на внешний объект имеет другую природу и другие основания. Тут я согласился бы с мыслью Л. Мизеса: «Конечной целью человеческой деятельности всегда является удовлетворение желаний действующего человека. Кроме индивидуальных субъективных оценок, неодинаковых у разных людей и у одного и того же человека в разные периоды жизни, другой меры удовлетворения не существует. Никто не в состоянии декретировать, что должно сделать другого человека счастливее» [Мизес, 17].

Если обобщить эту мысль и выйти за пределы объема социальных субъектов до объема живой природы, то можно сделать вывод, что изменение элементов и связей собственной структуры, изменение субъектом самого себя является конечной, абсолютной и единственной целью того специфического изменения, которое называется действием. И вот это «изменение самого себя» сразу отсекает от «деятельности» и «работы» огромный пласт физических процессов. Это антропологизация природы, это как бы «действие» физических сил и материальных предметов неживой природы, а на самом деле эти понятия используются в других, специфических значениях этой науки. И, в то же время это целенаправленное изменение самого себя совершенно по-другому показывает нам «самопроизвольность» изменений химических элементов, «активность» которых не есть их выбор: направленное изменение их структуры полностью детерминировано наличными материальными связями с другими элементами, условиями их внешней среды.

Теперь можно перейти к определениям. Действие – это избранное субъектом изменение самого себя. Чем больше действий может осуществлять субъект, чем разнообразнее они становятся, тем сложнее могут быть связи, системы этих действий, то целое, в которое они могут устойчиво соединяться, и тем сложнее и многообразнее оказывается зависимость этого субъекта от окружающей его среды. И тем сложнее становится структура самого субъекта, который, изменяя себя в каждом действии, в себе самом формирует новые, особые механизмы, инструменты осуществления своих видов системных действий – деятельности. Деятельность – система действий субъекта, согласованно изменяющих его самого и окружающую его среду.

А вот избираться субъектом и действие, и деятельность могут по разным основаниям, в разных условиях и из разных возможностей существования субъекта. Например, основания избрания возможности изменения конкретного социального субъекта могут быть рациональными – по правилам построения понятийного мышления или против этих правил. Они могут быть иррациональными – следуя из причудливого ассоциативного соединения образов мышления. Они могут быть вообще исходящими из-за пределов сознания, когда возможность изменения конкретного социального субъекта избирается им с целью восстановления равновесия своих психических процессов (например, «действуя в состоянии аффекта») или когда какая-либо физиологическая проблема организма вдруг выступает доминирующей, отодвигая все другие возможности изменения субъекта на задний план.

При этом и отражаться субъектом как его действие, так и деятельность могут по-разному в зависимости от наличного инструмента отражения и от возможностей отражения субъекта в конкретном случае, а тем более по-разному они могут осознаваться или не осознаваться вообще. Пример: «Вы хоть сами-то понимаете, что натворили?». Это в равной мере верно и для модального этапа формирования действия/деятельности, и для предметного этапа осуществления действия/деятельности, на любом из своих этапов и в любом из своих элементов эти процессы могут быть как осознаваемыми, рационально понятыми субъектом, так и неосознаваемыми.

Фауст

*...Что ж ты поинтересней дела
Себе, сын ночи, не припас?*

Мефистофель

*Об этом надо будет зрело
Подумать в следующий раз.*

То есть отнюдь не всегда мысль, сознательная цель – образ и значение будущих изменений – предшествует конкретному практическому делу субъекта. «Кто ищет, вынужден блуждать», - подчеркивает Гете в «Прологе на небе», которым открывается «Фауст». Осознанность социального действия (деятельности) субъекта и его целенаправленность – это все-таки совершенно разные вещи.

*К станку ли ты склоняешься,
В скалу ли ты врубаешься –
Мечта прекрасная, еще не ясная,
Уже зовет тебя вперед.*

Вот эти трудности – неясность мечты и неосознанность цели – снова подводят нас к проблеме различения специфики деятельности, но уже за пределами теоретической модели – на практике.

Модальность и предметность деятельности

Действие, как и деятельность субъекта в целом, может быть (а фактически и есть) неотличимо от какого-либо движения – ни по содержанию этого конкретного процесса, ни по результату. Что интересно, внешне наличие действия или деятельности иногда даже определяется от противного, по видимой бессмысленности производимых движений субъекта, хотя цель этих изменений наблюдателю также неясна: «А что это вы тут делаете?».

Например, кто-то прошел и наступил на цветок, или на замок из песка, или на черепаху. Это изменение реальности может быть как результатом всего лишь неосторожного движения, так и результатом деятельности, то есть целенаправленным процессом «произведения изменения в другом предмете»: «Ты специально это сделал!». И внешне это практически различить нельзя.

Вот это неуловимое, неощутимое и даже, возможно, никак не осознаваемое самим субъектом намерение, интенция, смутное стремление – оказывается критерием произошедшего: или случайно наступил, или намеренно поступил. Или просто движение – или уже действие. А если эта интенция не осознается и самим субъектом, то действие от движения оказывается неотличимо и внутренне, для самого субъекта, производящего данное изменение.

Если посмотреть на проблему действия человека с этой точки зрения, то оказывается, что почти каждый, кто всерьез о ней размышлял, указывал на наличие этой неуловимой грани.

В основании любой человеческой деятельности лежит неудовлетворенность собственным положением и смутное стремление изменить это, прийти к гармонии, радости, счастью. Эта мысль пронизывает практически всю историю философии. Отсюда концепции счастья как цели человеческой деятельности в гедонизме или концепция стремления к разумному удовольствию в эвдемонизме. Из осознания невозможности закономерно, а не случайно осуществить эту цель – философские концепции стоиков и скептиков. О беспокойстве человеческого духа как причине всякой деятельности, о том, что удовлетворенный человек не будет действовать, писали и Дж. Локк, и Г. Лейбниц [Локк; Лейбниц]. Еще примеры – просто навскидку: неудовлетворенность духа, жажда (самопознания), «работа негативного» – у Гегеля [Гегель]; Unruhe – беспокойство (труд переходит из формы беспокойства в форму бытия, из формы движения – в форму предметности) – у Маркса [Маркс];

Dunkel Drang – смутное стремление – у Гете [Гете]; «Когда б не смутное влечение / Чего-то жаждущей души...» – А. С. Пушкин.

Об этом же пишет и Л. Мизес: «Мотивом, побуждающим человека действовать, всегда является некоторое беспокойство его собственных желаний и суждений, личных и субъективных оценок» [Мизес, 16-17].

Получается, что процесс деятельности имеет как бы два разных аспекта. С одной стороны, деятельность, несомненно, имеет предметную природу и представляет собой единство опредмечивания и распредмечивания, превращая объективный предмет в часть, элемент процесса изменения субъекта. А с другой стороны, деятельность выступает как жажда, смутное стремление, беспокойство духа субъекта, определяющее собой изменение субъекта, но не имеющее никакого отношения к предметному миру.

Мне кажется, что в понимании деятельности необходимо учитывать эти разные ее аспекты. По сути, эти два аспекта деятельности представляют собой два ее различных этапа, существующих по разным принципам и основаниям: этап возникновения и этап существования. Возникновение деятельности имеет модальную природу. Существование деятельности имеет предметную, бытийную природу. У предметного процесса деятельности нет причины, только цель (в лучшем случае). Причина есть у интенции, модуса, у возникновения деятельности.

Что происходит на стадии возникновения действия?

Субъект так или иначе, по тем или иным причинам, по тем или иным основаниям выбирает одно из своих возможных будущих состояний из ряда, веера его наличных возможностей. До этого выбора конкретное целенаправленное изменение не имеет своего бытия, оно существует только в модальности – вероятности, случайности, необходимости. Но как только выбор сделан, абстрактная возможность одного из изменений субъекта переходит в конкретную. Сущность его (пока идеальная) оформляется в структуре субъекта. Но оно еще не реально, поскольку не обрело своего предметного существования. Для того чтобы данное выбранное изменение стало реальностью – его надо реализовать, чтобы оно обрело свое существование – его надо осуществить в соответствующей форме и среде с помощью тех или иных ресурсов и инструментов. Так, на стадии своего предметного осуществления это изменение (или будущее состояние субъекта) оказывается для субъекта автоматически целенаправленным, целеположенным и – практически беспричинным.

Вот этот процесс целенаправленной реализации одной из возможностей своего существования дает нам основания перенести понятие «активности» или «действия» даже на материальные предметы и процессы неживой природы, хотя, конечно, весьма условно, поскольку о субъектности предмета неживой природы и его избирательности этой возможности речь не идет. Но предметы живой природы даже на самом примитивном уровне избирательностью уже обладают, целенаправленность изменения формируют и, следовательно, действуют.

Что происходит на стадии существования действия?

На предыдущей стадии субъект выбирает не только цель, но и инструмент, способ ее достижения и тем самым тот объект, посредством которого желаемое изменение будет произведено. Этот объект может иметь любую природу – как идеальную, так и материальную, как естественную, так и искусственную – это неважно. Важно, что именно посредством его изменения может прийти к желаемому изменению самого субъекта. Деятельность по форме всегда предметна, делать можно что-то или с чем-то. Она есть единство процессов опредмечивания и распрепредмечивания, которые выступают как видовые понятия по отношению к «деятельности» как родовому понятию.

Это единство двух сторон деятельности относительно, оно существует только в пределах целого, по отношению к нему, а в конкретной деятельности субъекта всегда доминирует та или иная ее сторона. Точно так же, как существует единство левого и правого, но каждый конкретный поворот можно осуществить либо налево, либо направо. Процессы опредмечивания и распрепредмечивания могут абсолютизироваться в реальной ситуации и существовать, реализовываться независимо друг от друга. Они вообще не связаны друг с другом непосредственно и не взаимопереходят друг в друга напрямую, эти предметные процессы связаны опосредованно, через человека как целое и через модальный аспект его деятельности. И в то же время они взаимообуславливают друг друга. Человек, не осуществляющий процесса распрепредмечивания, то есть не осознающий и не понимающий результатов своей деятельности, в свою очередь не ведает и того, что он опредмечивает, он утрачивает цель, образ, сам смысл своей деятельности и выступает игрушкой в руках внешних сил.

Однако здесь мы уже полностью вступили на территорию особого вида деятельности – социальной.

Социальная деятельность человека

Социальный вид деятельности – качественно иной вид деятельности. Возможно, главными ее существенными признаками являются опосредованность и отложенность. Во-первых, эта деятельность принципиально опосредованная, как и существование самого социального субъекта теперь не тождественно его физическому телу, а опосредовано его социальным телом. То есть всякий результат, всякое социальное изменение субъекта достигается не напрямую, а опосредованно, через промежуточный этап, через этап преобразования окружающего мира. Во-вторых, изменение социального субъекта происходит всегда спустя какое-то время, может быть, весьма значительное, и является, по сути, отложенным действием, то есть длящимся за пределы непосредственных взаимодействий, за пределы существующих процессов и даже за пределы жизни осуществляющих эти действия субъектов. Профессии сначала нужно научиться, чтобы получить урожай, сначала нужно его посеять и вырастить, чтобы жениться, сначала нужно стать ответственным членом общества и проч. и проч. Действительность принуждает субъекта к непосредственным действиям, а социальное требование говорит о том,

что цели можно достигнуть только посредством сложной системы опосредованных и отложенных действий. Подробно об опосредованности и отложенности человеческого действия я писал в другой работе [Нечаев 2004].

Деятельность живого организма имеет целью определенное изменение самого субъекта этой деятельности. Это непосредственная цель, хотя и достигается она часто сложным комплексом действий. Животному не нужно кого-то напугать, догнать, убить. Животному нужно удовлетворить свою витальную потребность, дополнить себя, прийти в равновесие с окружающей средой (почти как железо или медь). Поэтому, например, сытое животное не нападает даже на явную жертву – а зачем? Задача животного – целенаправленно изменять себя, поддерживая равновесие с окружающей средой, поскольку его жизнедеятельность является обменом веществ с природой.

В родовом смысле этого понятия деятельность человека точно такая же. Однако теперь не только сама его деятельность, но и его цель – то есть он сам, его желаемое изменение – становится целью опосредованной и часто уже мало осознаваемой. Задача человека – создать новую, вторую природу, благоприятную для его длительного существования и требующую его всестороннего развития. Непосредственной целью деятельности социального субъекта теперь является определенное преобразование окружающей его среды.

Человек первым делом и главным образом целенаправленно меняет среду своего обитания. Но это целенаправленное изменение наряду с этим процессом с необходимостью порождает еще и новые, ранее принципиально не существовавшие возможности человека. Конечно, целоположенное (или желаемое) изменение социального субъекта становится реализуемым только через первоначальное изменение его возможностей. Если в природе живой организм как субъект деятельности всегда ограничен наличными ресурсами и принципиально не может большего, то в социуме социальный субъект выходит за свои пределы и делает свое изменение принципиально беспредельным.

Таким образом, отдавая себя как цель, опосредуя не только саму деятельность, но и ее цель, свое желаемое изменение, человек создает себя безгранично-иного.

Фокус в том, что человек не тождественен ни своему организму, ни своему наличному сознанию, ни своим социальным связям, ни обществу, ни социуму вообще. Он постоянно увеличивает себя как субъекта деятельности, присваивая все больше окружающей реальности. Только это присвоение тоже меняет свой характер и свое содержание. Можно присваивать здесь и сейчас, пытаясь объять необъятное, например, собирая в лесу ягоды. А можно «правильно войти в землю», преобразовать ее и ее связи, присвоить ее себе таким образом, что у тебя постоянно, и завтра, и послезавтра будут ягоды, а еще лук с редиской, и петрушкой, и базиликом.

Следовательно, существование социального субъекта увеличивается на его устойчивые элементы. Он становится больше и больше себя лично-действительного, своей деятельностью создавая себя-иного. Собственно, сам человек, физический индивид – лишь центр управления особого индивидуального социального субъекта, который, как ни странно, может иметь и свое иное существование, с другим центром управления или вообще без него, но не может не иметь постоянной деятельности.

Таким образом, можно сформулировать наше определение социальной деятельности следующим образом. Социальная деятельность – это процесс избирательного изменения социальным субъектом самого себя через целенаправленное преобразование окружающего мира.

Однако в процессе этого целенаправленного преобразования окружающего мира происходит интересный эффект: социальная деятельность отчуждается от производящего ее субъекта. Социальная деятельность самоотчуждается. Не только предмет или продукт деятельности, но и сама социальная деятельность оказывается постоянно противопоставлена производящему ее социальному субъекту. Социальная деятельность отчуждается от человека изначально, как процесс, а не только в своем результате. Если бы отчуждение происходило только в результате, его можно было бы избежать. Если бы сама последовательность действий и ее результаты зависели только от субъекта деятельности, то отчуждения не происходило бы.

Как любой предмет существует только в движении, в процессе своего постоянного изменения, так и наоборот – движение в форме деятельности, сама деятельность существует в качестве предмета деятельности, постоянно опредмечивается. Деятельность становится предметом деятельности, когда ее необходимо сформировать из совокупности действий, или когда ей нужно научиться, или когда ее необходимо исследовать, или изменить, когда она изучается по частям или как целое, даже когда она высмеивается.

Более того. Когда деятельность становится «слишком» опосредованной, то есть уже не зависящей в своих результатах от деятельности одного конкретного субъекта, длящейся за пределы его возможной ответственности и требующей уже совместного, коллективного, общественного производства, то она в любом случае превращается в объект, требующий для себя уже другой, новой деятельности, которая необходима ей для своего сохранения в длящейся отложенности результата (надо искать способ воздействия на случайности) и для своего поддержания (культура; религия/в результат надо верить; сакральное/объяснить нельзя, но только так получается результат). В свою очередь новая деятельность требует новых функций от социума, новых субъектов, новых орудий труда.

Более того. Эта новая деятельность требует еще и согласования ее с предыдущими, уже существующими видами деятельности и их результатами. Следовательно, эта ситуация теперь требует управления, новой деятельности со всеми вытекающими последствиями.

Одним из этих существенных последствий оказывается то, что производственная деятельность не просто самоотчуждается и становится противостоящим людям объектом, но выдвигает свои собственные требования и ставит людям определенные условия, то есть приобретает черты субъекта деятельности, становится хоть и безличным (и безэмоциональным), но вполне рациональным общественным социальным субъектом, а личность она может и заимствовать у персонифицирующих себя с ней людей.

Если деятельность как предметная отчуждается, обособляется от человека как особая предметность или даже как иная субъектность, то у нее появляется отдельная, собственная цель, или же «вторичная» цель деятельности субъекта. Но в этом случае автоматически возникает расхождение целей деятельности, и может произойти конфликт целей. Не потому, что люди глупые и не знают, чего хотят, а потому, что цели первичные могут вступать в конфликт с целями вторичными, когда, например, достижение вторичных целей не способствует, а перечеркивает или отдаляет реализацию целей первичных: «Шел в комнату – попал в другую». То есть социальная деятельность без опосредования, без вторичных целей невозможна, а с ними тоже плохо, в этом случае возникает угроза потерять цели первичные.

Возникают удивительные ситуации рассогласования разнопорядковых целей субъекта и разноуровневых социальных действий, вплоть до патовых ситуаций, когда человек уже не знает, что ему делать.

Например, если всякое социальное действие субъекта целеположенно, то это еще не значит, что оно положено самим субъектом деятельности. Первоначально живой организм выступает лишь инструментом природной среды, средством поддержания ее равновесия. Почти как те химические элементы, которые в своей активности являются лишь проводниками причинных связей внешней среды, так и субъект жизнедеятельности оказывается как бы посредником, на самом деле иной субъект, более высокого уровня осуществляет через него, но уже как объекта, свои собственные интенции, цели, скорее всего, даже не подозревая о них. Целеполагание может быть внешним по отношению к субъекту и превращает его в объект, когда он реализует не свою, а навязанную ему цель, осуществляет «как бы свою», но не свою, а вынужденную деятельность. Заметим попутно, что эту же схему опосредования своей деятельности объектами внешней среды (даже если эти объекты живые существа и даже если это другие социальные субъекты) и воспроизводит в целом человек как социальный субъект.

Что происходит с человеком, если деятельность по своей природе предполагает, что он должен сам полагать свою цель, а во многих общественных ситуациях он не только не может ее полагать, но и вынужден выполнять чужие распоряжения? В данном случае наблюдается деградация человека как целого, разрушение его существующей субъектности. Именно на этом основана, например, система перевоспитания в исправительных учреждениях: необходимо разрушить те ориентации, те интенции, те взгляды, которые существуют у конкретного человека, и приучить его к общественному труду, к тому, что сшитые тобой варежки

дадут тебе обед, ужин, крышу над головой – веди себя как положено. Человек в этой ситуации не имеет возможности целеполагания, его главной задачей становится выживание в заданных условиях, сохранение себя в борьбе с этим разрушающим действием, и либо он принимает навязываемую ему систему правил и ценностей, переделывая себя, либо формирует себя в активном противостоянии с ней.

Другой вид рассогласования. Человек, например, может овладеть какой-либо деятельностью как самостоятельным элементом реальности и осуществлять ее независимо от конкретных условий и целей. Само осуществление определенной деятельности становится в этом случае целью. Так возникает, например, эффект профессионального кретинизма, когда учитель – всегда и в любой ситуации учит, чиновник – всегда командует, коммерсант – торгуется, консультант – советует.

Бездеятельность

Понимание социальной деятельности как отложенной, опосредованной, многоцелевой и разноуровневой дает основания для нового взгляда на многие социальные явления. В частности, например, принцип субъектного социального целеполагания позволяет отличать деятельность человека от его бездеятельности, что, кстати, тоже очень четко фиксируется в нашем языке. На вопрос: «Что делаешь?» часто можно получить ответ: «Ничего не делаю, работаю». Осознает это конкретный человек или нет, но общественное сознание, выраженное в языковой форме, ему подсказывает, что его повседневная работа его деятельностью не является, это безделье. Бездельники тоже производят какие-то изменения, тоже совершают движения, но без собственной социальной цели. Эта имитация деятельности распадается для них на отдельные действия: на те, в которых они видят свой собственный смысл, и на те действия, которые их принуждают выполнять, а они от них стремятся уклониться. Но формально – работают, движения производят.

*«Сотни, тысячи встреч, поручений, долгов, обещаний,
Все, что делал когда-то... А делал ли что-то?»*

Здесь, опять-таки, тонкая грань, почти не определимая внешне, но все же проходящая по субъектности: реализует человек в реальности свою субъектность, осуществляет свою волю в изменении себя или нет. И наоборот, в действительности часто бездельниками воспринимаются те люди, чьи цели оказываются неочевидными, недоступными для окружающих. На этом построен другой старый анекдот: «Что делаешь? – Занимаюсь самым важным делом: никому не мешаю». Вот здесь возникают сложные вопросы. Обломов – бездельник? Шульц постоянно занят, а Обломов демонстративно ничего не делает. Или все-таки делает, выполняет важную функцию, никому не мешает? Базаров, казалось бы, весь наполнен планами, проектами, но все его цели ложны. Ни в науке, ни в крестьянах он ничего не понимает. Так делает он что-то, или весь производимый пар уходит в свисток? Как говорил Катон: «Никогда ты не деятелен так, как когда на взгляд со стороны сидишь без дела».

Возникает проблема соотношения и различения подлинного и мнимого безделья при условии отсутствия очевидной цели: «Скажи, зачем без цели бродишь?..» А затем, что нет закона, таков поэт. И другим поэт не может быть. Отсутствие видимой, понятной для других цели поэта и его произведения составляет священную тайну искусства, его сакральную тайну. Это сокровенное, сокрытое, находящееся под покровом, неведомое для посторонних глаз.

Деятельность без очевидной, определенной, явно полагаемой субъектом цели – это уже не безделье, это деятельность, но это внешне «неправильная» деятельность, невозможная, противоречащая самой сути деятельности. А это и есть определение сакрального – существующее в реальности социальное явление без понятных достаточных оснований.

Точно так же обстоит дело и с мнимым бездельем, которое, как осознаваемое и целеполагаемое субъектом, необъяснимо, поскольку безделье не может целеполагаться. Это сакральное безделье преобразует героев волшебной сказки, хоть Иванушку-дурачка, хоть Емелю, хоть Илью Муромца. Получается, например, что Илья не просто так сидел на печи тридцать лет и три года. Волшебная сила старцев была условием необходимым, но недостаточным для его преобразования – иначе он не смог бы в дальнейшем осуществлять деятельность по защите Русской земли, священную деятельность, поскольку в ней слились воедино не только данная ему сила, но и разум, и патриотизм.

Бесцельность, как и мнимая бездеятельность, вдруг оборачиваются священной тайной, единственным путем к успешному результату, какой-то другой деятельностью, с другим целеполаганием, еще неведомым. «Там, на неведомых дорожках...», на НЕВЕДОМЫХ, но ведь кому-то неведомых, а кому-то они ведомы, кто-то знает, что там происходит.

Другое дело, будут ли непременно востребованы социумом результаты этой скрытой индивидуальной деятельности, эти сформированные индивидуальными уникальными – неведомыми – способностями? Всякого ли Илью Муромца призовут? Каждый ли Емеля станет царевичем? Вряд ли. Хотя при этом возникает и другой вопрос: что считать своим царством? И не позавидуют ли большие цари царству малому?

По сути дела, социальная деятельность является тем самым универсальным способом человеческого существования, который соответствует его социальной природе. Человек в принципе не может не осуществлять какой-либо деятельности. Я бы предложил тут вернуться к аналогии категории «деятельности» и категории «движение». Мы видим, что окружающие нас предметы бывают неподвижны, но это означает лишь, что одна форма их движения, например механическая, заменяется другой. Если человек не осуществляет общественно-значимой деятельности, то, вероятно, он осуществляет индивидуальную деятельность. Философски говоря, человек существует на уровне социального движения материи. Он постоянно осуществляет ту или иную социальную деятельность.

Если человек по каким-то причинам временно вообще выпадает из актуальных социальных процессов, то он осуществляет потенциальные со-

циальные процессы через свою мыслительную, или психическую, или физиологическую деятельность. Индивид, пока он живой, как и всякое живое существо непрерывно осуществляет деятельность. А если так, то никакое состояние человека не может характеризоваться как абсолютная бездеятельность. Деятельность субъекта абсолютна, бездействие относительно. Социальная деятельность – это способ бытия человека в мире.

Список литературы

- 1 Аристотель. Категории // Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 53-90.
- 2 Большая психологическая энциклопедия: самое полное современное издание: Более 5000 психологических терминов и понятий / А. Б. Альмуханова и др. – М.: Эксмо, 2007.
- 3 Большой психологический словарь. — М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003.
- 4 Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. – М.: Наука, 2000.
- 5 Гете И. В. Фауст: Трагедия: Часть первая. – М.: Текст, 2003.
- 6 Деятельность // Википедия. [2016—2016]. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=82611112> (дата обращения: 21.04.2016).
- 7 Кондаков И. М. Психология. Иллюстрированный словарь. — СПб.; М. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
- 8 Лейбниц Г. Новые опыты о человеческом разумении // Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 2.
- 9 Литературная энциклопедия. — В 11 т.; М.: издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература. Под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского. 1929—1939.
- 10 Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Соч.: в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1.
- 11 Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – 2-е изд. – Т. 23.
- 12 Мизес Л. Человеческая деятельность. – М.: Экономика, 2000.
- 13 Некрасова, Н. А. Тематический философский словарь : учебное пособие. – М.: МИИТ, 2009.
- 14 Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. – М.: Мысль, 2001.
- 15 Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб. : Питер, 1999.
- 16 Словарь практического психолога. — М.: АСТ, Харвест. С. Ю. Головин. 1998.
- 17 Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983.